

A man with a beard and a woman are shown from the chest up, holding a baby. The man is on the right, looking slightly to the left. The woman is on the left, looking towards the camera. The baby is in the center, looking at the camera. They are all dressed in formal attire. The background is a blurred interior with a large window.

БЭМЕЛИЯ
БОРН

(НЕ)БАНАЛЬНОЕ
ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Амелия Борн

(Не)банальное предательство

<https://litres.ru/74615192>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я узнала о предательстве мужа банально - он вписал в паспорт своего сына от другой.

Тогда я ушла, несмотря на заверения супруга в том, что та ночь ничего не значила. И с женщиной, родившей ему на стороне, Германа не связывает ничего кроме общего ребенка.

А потом муж появился на пороге моего дома и попросил:

- Выноси для меня и Даши ребенка-донора. Нам нужно спасти сына. Я уже все придумал

Амелия Борн (Не)банальное предательство

Я узнала о предательстве мужа банально - он вписал в паспорт своего сына от другой.

Тогда я ушла, несмотря на заверения супруга в том, что та ночь ничего не значила. И с женищиной, родившей ему на стороне, Германа не связывает ничего кроме общего ребенка.

А потом муж появился на пороге моего дома и попросил:

- Выноси для меня и Даши ребенка-донора. Нам нужно спасти сына. Я уже все придумал...

Утро началось не с будильника, а с теплой ладошки, которая легла мне на щеку. Лиза всегда так делала, когда хотела разбудить. Я приоткрыла один глаз. Дочь стояла у кровати в пижаме с кроликами, растрепанная после сна, и смотрела требовательно, будто ждала, что сейчас начнется самое важное событие дня.

- Мам, я есть хочу, - произнесла она хриловатым ото сна голосом.

- Иди ко мне, - пробормотала я и притянула Лизу к себе. Зарылась носом в ее волосы, пахнувшие детским шампунем.

нем. Она тут же завозила, упираясь локтем мне в бок.

- Кашу? - уточнила у дочки.

- С малиной! - Лиза подскочила на месте. - И с бананом!

- Банан сверху, малина внутри, - согласилась я, спуская ноги на пол.

В кухне было светло, несмотря на серое небо за окном. Дождь моросил с самого рассвета, капли барабанили по подоконнику, и я мельком подумала, что прогулку придется перенести на время, когда распогодится. Резиновые сапоги хоть и стояли наготове, попадать под дождь не хотелось - Лиза могла простудиться.

Пока овсянка подходила в кастрюльке, я налила себе растворимый кофе и подумала о завтрашнем дне. Меня ждал первый рабочий день. Крохотная должность в небольшой бухгалтерской конторе, зарплата скромная, зато моя. Я сама нашла ее - без связей, без бывшего мужа, без его фамилии, которую я перестала носить в жизни, хотя в паспорте она все еще значилась. Полгода как я ушла от Германа, сняла эту маленькую квартирку на другом конце города и училась дышать заново. С каждым днем делать это получалось все лучше.

Лиза, сидя на своем стульчике с высокой спинкой, болтала без умолку: про качели, про розовую куртку, про голубя, который вчера сидел на карнизе и смешно вертел головой. Я кивала, убирая со стола крошки, и чувствовала внутри спокойную, почти забытую легкость. Никто не тревожил, никто

не требовал отчета, никто не смотрел на меня так, словно я была не только женой, но и красивой картинкой.

Только я и моя девочка, и эта квартирка - наш собственный, пусть и съемный, уголок, где не пахло прошлым.

Звонок в дверь раздался, когда я домывала тарелку. Звук был таким требовательным, что я вздрогнула и бросила взгляд на часы - десять утра. Может, соседка за солью? Другого варианта у меня в голове не было.

Я вытерла руки полотенцем, поправила растрепанный пучок на затылке и пошла открывать.

Щелкнула замком и потянула дверь на себя.

На пороге стоял Герман.

В первую секунду я просто смотрела на него и казалось, что между нами нет того предательства, которое совершил муж и которое таковым не считал. Капли дождя лежали на плечах, темные волосы зачесаны назад, как он всегда носил в офисе. Запах его парфюма ударил в нос - терпкий, древесный, тот самый, что я когда-то вдыхала, уткнувшись ему в шею, когда он возвращался с работы.

- Привет, - сказал он ровно. - Я войду?

Я посторонилась чисто автоматически, потому что тело помнило его присутствие лучше, чем хотелось бы разуму, хоть он бывал здесь от силы несколько раз с тех пор, как я съехала. Он шагнул через порог, стряхивая дождевые капли, и оглядел прихожую, как делал это всегда, будто не веря в то, что позволяет нам с его дочкой здесь находиться.

- Папа! - закричала Лиза, выбегая из кухни.

Она с разбегу врезалась в его ноги, и Герман наклонился, подхватил дочь, прижал к груди. Я смотрела на них, и внутри что-то болезненно сжималось. Наверно, от слишком четкого понимания, что вот она - связь, которая навсегда останется между нами. Девочка с его глазами и моим упрямством.

- Я приехал без предупреждения, - произнес Герман, когда Лиза, получив свою порцию отцовского внимания, сползла на пол и убежала обратно в кухню. - Знаю.

- Мы не договаривались, - ответила я тихо. - Ты обычно предупреждаешь, когда хочешь увидеть дочь.

Разговор был таким искусственным, напряженным, что у меня даже зубы свело.

- Я не навещать дочь, - сказал он, и взгляд его изменился. Из мягкого, почти отцовского, стал деловым, сосредоточенным. - По делу.

Я слишком хорошо помнила этот тон. Так он говорил, когда входил в зал суда или когда обсуждал с партнерами контракты.

- По какому делу? - спросила, складывая руки на груди.

- Давай отойдем, - он кивнул в сторону гостиной. - Не хочу говорить при Лизе.

Я проводила его в комнату, чувствуя, как внутри нарастает напряжение. Герман сел на диван и подался вперед, сцепив пальцы в замок. Он выглядел измотанным чем-то, что грызло его изнутри. Тени под глазами, легкая небритость.

Обычно он тщательно следил за внешностью.

Мне в голову стрелой влетела совершенно очевидная мысль - говорить Бердников станет о тех, кого я называла его второй семьей. Хотя сам он не считал ту часть своей жизни чем-то сильно значимым.

- Я слушаю, - сказала, опускаясь в кресло напротив.

Он поднял на меня глаза, и что-то в них заставило меня внутренне напрячься. Там было отчаяние - глубокое, затаенное, которое он явно не хотел показывать, но оно прорывалось.

- Люба, - начал он, и от этого короткого обращения у меня сжалось горло. Так он называл меня, когда мы еще были вместе. - Мне нужна твоя помощь. Обращаюсь к тебе не как бывшей жене, а как к милосердному человеку.

Милосердному... ну надо же!

- Что случилось? - спросила я глухо.

- Егор болен, - тут же откликнулся Бердников.

Имя его сына всегда резало мне слух. Тот самый ребенок, который родился, когда мы были вместе, но Лиза еще не появилась на свет. Ребенок от женщины по имени Даша - молоденькой, глупой, которая забеременела в двадцать лет, а Герман, хоть и предлагал аборт, в итоге признал отцовство и помогал материально. Я узнала о существовании мальчика, когда нашла штамп об отцовстве в паспорте мужа. И этот день разделил мою жизнь на «до» и «после».

- Болен чем? - мой голос прозвучал сухо, но внутри уже

разрасталась тревога.

Не за мальчика, нет. А за то, что Бердников что-то там себе придумал относительно меня.

- Ему нужен донор. Костный мозг. Специфический случай, я уже подключил всех, кого мог. Искали по базе, проверяли родственников, но... ни один не подходит идеально.

Он замолчал, провел ладонью по лицу. Я ждала, понимая, что за этим последует что-то еще. Неужели он сейчас скажет, что донором должна выступать Лиза? Да я отправлю его к чертям тут же!

- В лаборатории готовы провести процедуру, - продолжил он, глядя куда-то в пол. - ЭКО. Подбираются максимально здоровые клетки. Нужно выносить ребенка, который станет донором для Егора.

Я слушала, и смысл его слов доходил медленно, словно через толщу воды. Сначала я просто не хотела понимать. А когда осознала, воздух в легких стал колючим и горячим.

- Ты хочешь, чтобы я... - начала и осеклась.

- Да, - тихо ответил он. - Ты единственная, кто может это сделать... Выноси для моего сына донора, Люба. И ты ни в чем не станешь нуждаться.

Я совершенно не должна была задавать уточняющих вопросов, но все же они сорвались с губ помимо воли:

- А Даша? Это ведь ее сын.

Нет-нет, я не собиралась соглашаться! Но почему эта девчонка не может родить снова? Почему именно мне отвели

такую роль?

Герман покачал головой и ответил:

- У нее удалили матку во время родов, о чем мне стало известно только сейчас. Она не может выносить. Поэтому я здесь.

Он сделал паузу и поставил окончательную точку в своих «хотелках»:

- Выноси для меня и Даши ребенка-донора. Нам нужно спасти сына. Я уже все придумал...

Слова Германа дошли до меня, осели где-то внутри, но вместо того чтобы вызвать немедленный протест, заставили ухватиться за одну нестыковку. Маленькую, но колючую, как заноза в пальце. Я прищурилась и посмотрела на бывшего мужа совсем иначе - не с ужасом перед его предложением, а с холодным интересом к тому, как ловко он переписывает собственные показания.

- Подожди-ка, - произнесла медленно, и голос прозвучал незнакомо даже для меня самой. - Ты говорил, что это была одна ночь.

Герман поднял голову. Выражение его лица не изменилось, но я заметила, как пальцы, сцепленные в замок, сжались чуть сильнее. Едва уловимое движение, которое выдало его с головой.

- Одна ночь, которая вас связала, - повторила я, не отводя взгляда. - Так ты мне вещал до этого. Что Даша ничего для тебя не значила и это была ошибка, случайность, о которой

ты жалеешь. Я ведь правильно помню, Герман?

Он молчал.

- А теперь ты приходишь ко мне и говоришь «мы»? «Выноси для меня и Даши»? - Я покачала головой, чувствуя, как внутри сочится что-то горькое, едкое. - Как-то у меня не складывается воедино картинка, Бердников. То ты клялся, что между вами ничего нет и быть не может, то теперь вы, оказывается, вместе.

- Нет, - ответил он слишком резко. - Мы с Дашей не вместе.

- Да? - Я выгнула бровь. - А звучит иначе.

Бердников провел ладонью по лицу, задержал пальцы на переносице. Когда он заговорил снова, голос звучал тише и спокойнее:

- Мы вынуждены были объединиться, чтобы спасти сына. Ничего больше. Никаких отношений, никакой совместной жизни.

Я слушала его и пыталась понять, верю ли. Когда-то давно я, приоткрыв рот, внимала каждому его слову. Смотрела в эти глаза и не допускала мысли, что он может врать. А потом нашла штамп в паспорте. И с тех пор моя вера в Германа Бердникова стала стоять ровно столько же, сколько прошлогодний снег.

- Хорошо, - сказала и сама удивилась тому, как ровно прозвучал мой голос. - Допустим, ты и Даша - просто союзники в борьбе за жизнь общего случайного ребенка. Тогда объяс-

ни мне, как ты себе это представляешь.

Мне и впрямь было интересно, как далеко способен зайти в своих идиотских придумках Герман.

- Что именно? - не понял он.

Ну или сделал вид, что не понял - неважно.

- Я вынашиваю биологически вашего ребенка. Так?

- Так.

- А потом? - Я чуть подалась вперед, вцепившись пальцами в подлокотники кресла. - Куда денется этот ребенок, когда его миссия будет выполнена? Когда он станет донором для Егора и спасет твоему сыну жизнь?

Я спрашивала не потому, что собиралась соглашаться. Нет. Мне просто нужно было понять, как далеко простирается его черствость. Где заканчивается этот холодный расчет, за которым я когда-то была замужем. А еще - каждое сказанное им слово убеждало меня в том, что я в свое время сделала верный выбор, поняв, что не смогу его простить за его тайны.

Герман пожал плечами так, будто речь шла о чем-то незначительном. О сущей мелочи, которую даже обсуждать не стоило.

- Его заберет Даша, - сказал он. - И будет растить.

Горло сжала чья-то невидимая ладонь. Я смотрела на Бердникова и силилась понять - он действительно не слышит себя со стороны? Или слышит, но ему плевать?

- То есть, - произнесла я, тщательно выговаривая каждое

слово, - я должна девять месяцев носить под сердцем ребенка, потом родить его и... отдать Даше. А после забыть, как страшный сон?

- Я обеспечу тебя до конца жизни, Люба... У тебя будет все необходимое, - начал он, но я перебила:

- Ты не ответил.

- На что?

Прикрыв глаза, я досчитала до пяти. Для Бердникова все это было лишь сделкой, я понимала, но неужели он и впрямь стал настолько непробиваем?

- А о моих чувствах ты в этот момент подумал? - мой голос дрогнул, и я возненавидела себя за эту дрожь. - Когда придумывал свой гениальный план, ты хоть на секунду задумался о том, что я буду чувствовать и через что пройду? Или я для тебя просто удобный инкубатор, который можно использовать, потому что Дашин поломался?

Герман поднял на меня глаза, и в них не было ни вины, ни сочувствия. Только усталое, даже раздраженное спокойствие человека, которому приходится объяснять очевидные вещи.

- Я не вижу смысла размышлять о каких-то сантиментах, - ответил он ровно, - когда на кону жизнь моего ребенка.

Вот она. Финальная точка. Та самая, после которой не осталось ни сомнений, ни иллюзий, ни даже капли жалости. Он сказал «моего ребенка» - и в этот момент я поняла, что ни Лиза, ни тем более я в эту картину мира не входим. Мы существовали где-то на периферии, в списке приложений к

основному файлу. А основным файлом сейчас был Егор.

- Уходи, - сказала я тихо, поднимаясь из кресла. - И больше никогда не являйся ко мне с подобными историями!

Он не стал уговаривать, давить, включать адвоката. Просто поднялся с дивана и кивнул каким-то своим мыслям.

- Я дам тебе возможность передумать, - произнес он, направляясь в прихожую. - Время у тебя есть, но его немного.

Я же промолчала и только и могла, что стоять посреди гостиной, слушая, как затихают его шаги.

Из прихожей прибежала Лиза. В розовой куртке, которую сама на себя натянула, и в резиновых сапогах не на ту ногу. Она что-то щебетала про лужи и качели, но я слышала ее будто дочь была далеко.

Теперь знала, что не зря ушла от Бердникова. Не зря собирала чемоданы посреди ночи, пока он был в командировке. Не зря снимала эту квартирку на последние деньги и училась жить с чистого листа.

Потому что человек, который говорит о живом ребенке как о биоматериале, а о бывшей жене как об инкубаторе - не способен любить.

Ни меня, ни Лизу. Он вообще не способен на чувства. И слава богу, что я поняла это сейчас, а не пять лет спустя.

- Мам, ты пвачешь? - Лиза заглянула мне в лицо и нахмурилась совсем по-взрослому.

- Нет, - я улыбнулась и чмокнула ее в нос. - Это просто дождь... Волшебный, который проник даже сюда.

Больше никаких слез. Герман Бердников не достоин ни единой эмоции в его сторону.

На следующий день я проснулась с твердым намерением начать новую жизнь.

Ту самую, где нет места Герману Бердникову, его лжи и его безумным предложениям. Лиза еще спала, раскинувшись на кровати, а я уже стояла перед зеркалом в прихожей и разглядывала себя - строгую блузку персикового цвета, юбку-карандаш, собранные в низкий пучок волосы. Выглядела я как человек, который точно знает, куда идет.

Вчерашний разговор я прокрутила в голове раз двадцать, не меньше. И с каждым новым разом внутри крепла уверенность: я все сделала правильно. Не только вчера, когда выставила Бердникова за дверь, но и полгода назад, когда ушла от него. Человек, который считает «сентименты» лишними, когда речь идет о живых людях, не способен ни на что, кроме холодного расчета. И я больше не позволю этому расчету управлять моей жизнью.

К десяти утра за Лизой забежала соседка - женщина, с которой мы сдружились за последние месяцы и которая иногда выручала меня с дочерью. Я поцеловала Лизу, пообещала вечером испечь шарлотку и вышла из подъезда. Дождь наконец закончился, и сквозь серые тучи пробивалось робкое солнце. Я улыбнулась ему как доброму знаку.

Бухгалтерская контора находилась в пятнадцати минутах

ходьбы от дома - небольшое двухэтажное здание с облезлой вывеской, зато внутри уютное и пахнущее кофе. Я успела полюбить это место за два собеседования. Меня ждали, меня утвердили, и я уже представляла, как сяду за свой стол, разложу бумаги и наконец почувствую себя самостоятельной.

- Здравствуйте!

Я улыбнулась администратору на входе и направилась к кабинету главного бухгалтера. Дверь оказалась приоткрыта.

- Любовь Андреевна?

Меня встретила полноватая женщина в очках, та самая, которая еще неделю назад с радостью объявила, что я им подхожу. Сейчас лицо у нее было другое - напряженное, почти виноватое.

- Доброе утро, - сказала я, чувствуя, как внутри что-то сжимается. - Я пришла оформляться.

- Понимаете... - она замялась, перебирая бумаги на столе. - Мы не сможем вас взять. Обстоятельства изменились, простите, правда.

Это было так неожиданно - как удар исподтишка от самого любимого и любящего человека. И хоть с данной конторой меня связывали всего два визита, я испытала чувство сродни тому, что меня... предали.

Не нужно было быть гением, чтобы понять, чьих рук это дело. Бердников. Его фирма, его связи, его деньги. Он ведь владелец юридической конторы, у него полгорода в клиентах! Наверняка он запустил сюда свои руки!

- Могу я узнать об этих обстоятельствах? - уточнила я сухо.

Она отвела глаза и делала все, что угодно, лишь бы не встречаться со мной взглядом. И от этого молчаливого ответа мне стало понятно все окончательно.

- Ясно, - произнесла я, чувствуя, как внутри закипает уже знакомая по вчерашнему дню смесь из горечи и злости. - Можете не отвечать, мне все понятно и так.

- Любовь Андреевна, вы не подумайте ничего такого... - начала она, но я перебила:

- Именно «чего такого» я и думаю. Всего доброго!

Я вышла на улицу, сжимая в руке ремешок сумки с неистовой злостью. Хотя вроде как он был здесь совершенно не при чем.

Злость накрыла мгновенно, горячей волной прокатилась по всему телу. Вот, значит, как? Бердников решил взять меня измором? Лишить средств к существованию, чтобы я приползла и согласилась на его чудовищную сделку?

Я резко развернулась и направилась к дороге, высматривая такси. В голове стучало только одно: «Он не оставил мне выбора». Что ж, Бердников. Я тоже не оставляю тебе выбора! Потому что в этот раз ты перешел все границы.

Офис его юридической фирмы располагался в центре города - и здесь все кричало о том, что мой бывший муж обожает роскошь. Нам с Лизой он, конечно, выделял средства, но их хватало только на покрытие базовых потребностей, о

чем я задумалась лишь сейчас.

Как будто Герман заранее знал, что может возникнуть такая чудовищная ситуация, и постарался к ней подготовиться. А может, все было проще, и ему гораздо комфортнее жилось, когда он знал, что я от него завишу?

Я вошла в холл, игнорируя охранника, который попытался меня остановить. Кажется, он меня узнал - бывшая жена владельца все-таки, - и это дало мне пару секунд форы. Я решительно направилась к лифту и нажала кнопку шестого этажа.

Секретарша в приемной вскочила, едва заведя меня.

- Вы не можете войти, там совещание! - пискнула она.

- О, отлично, - бросила я и толкнула дверь в кабинет Германа.

Внутри действительно шло совещание. Человек шесть в деловых костюмах сидели за длинным столом, на котором стояли графины с водой и были разложены какие-то бумаги. Герман стоял у окна, что-то говорил, но замолк на полуслове, когда я влетела в кабинет.

- Ты совсем с ума сошел?! - Мой голос сходу сорвался на крик, но мне было плевать. - Ты решил лишить меня работы?! Думаешь, я после этого соглашусь?!

Повисла тишина. Партнеры Бердникова замерли, глядя то на меня, то на него. Кто-то кашлянул, прикрывая то ли интерес, то ли неловкость.

Герман побледнел, но быстро взял себя в руки. В три ши-

роких шага он пересек кабинет, схватил меня за локоть и практически выволок в коридор.

- Прощу прощения, господа, - бросил он через плечо и захлопнул дверь.

Я попыталась вырвать руку, но держал он крепко. Протасил меня мимо секретарши, которая смотрела на нас круглыми глазами, и втолкнул в соседнюю дверь - отдельный кабинет для переговоров, поменьше. И только там отпустил.

- Что ты себе позволяешь? - процедил Бердников, потирая переносицу.

- Я?! - Меня буквально разрывало от возмущения. - Это ты что себе позволяешь?! Решил оставить меня без средств, чтобы я согласилась стать твоим инкубатором?!

- Это не так, - начал он, но я не дала ему договорить:

- Не так?! Меня только что выставили с работы, на которую я выходила сегодня! И я знаю, чьих рук это дело!

Он смотрел на меня бесстрастно и даже не пытался защититься. Придумать какую-нибудь ложь, в которую бы никто здесь не поверил. Все было очевиднее некуда.

- Ты не оставила мне выбора, - наконец совершенно спокойно произнес Герман.

Как будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

- Что ты сказал? - выдохнула я.

- Ты не оставила мне выбора, - повторил Герман. - Я буду вынужден лишать тебя работы всюду, куда бы ты ни пошла. Пока ты не согласишься.

Он стоял напротив меня - высокий, собранный, в дорогом костюме, и смотрел сверху вниз. В этот момент я поняла, что ни капли не ошибалась в нем. Наверно, никогда...

Меня затопило ледяной яростью. Не той, которая диктовала бы пойти на неразумные поступки, а абсолютной, звенящей и страшной. Я подняла на Германа глаза и сказала тихо, но так, что он вздрогнул:

- Хорошо. Я продержусь, сколько надо. А вот продержится ли твой сын?

Я ждала, что он разъярится. Накричит, выставит меня, скажет, что я не имею права даже упоминать Егора. Я была готова к чему угодно. Ко всему, кроме того, что случилось в следующую секунду.

Герман замер. А потом опустился в кресло, стоявшее у стены, закрыл лицо ладонями - и заплакал.

Нет, не так... Он зарыдал - в голос, с таким отчаянием, что в любой другой ситуации я бы его пожалела. Если бы не знала, на что этот человек способен.

Сейчас же просто стояла и смотрела, не в силах пошевелиться. Его плечи вздрагивали, он закрывал ладонями лицо и продолжал рыдать. Никогда в жизни я не видела Бердникова плачущим. Даже когда его отец умер, он держался. А сейчас...

Сейчас он сидел передо мной - владелец успешной фирмы, человек, который привык просчитывать все на десять шагов вперед, - и ревел, как загнанный в угол мальчишка.

И я вдруг поняла, что не знаю, что с этим делать.

Но осознавала иное - с места я не сдвинусь.

Не подойду, не положу руку ему на плечо. Не скажу ни слова утешения.

Потому что я досконально помнила тот момент, когда он сказал «не вижу смысла размышлять о каких-то сантиментах». Помнила, как он пожал плечами, говоря о том, что ребенка заберет Даша. И эта память прибавала меня к полу, не давала сделать ни шага вперед. Пусть плачет. Пусть! Может, хоть сейчас до него дойдет, что живые люди - не пешки в его юридической партии.

Прошло несколько минут. Всхлипы стали реже, тише. Герман отнял ладони от лица, вытер щеки рукавом пиджака - совсем не по-деловому, почти по-детски, - и поднял на меня красные, воспаленные глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.